

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ОКНО, РАСПАХНУТОЕ ШУБКИНЫМ: МОЛОДЕЖЬ В ОБРАЗОВАНИИ И НА РЫНКЕ ТРУДА

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (scan21@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается динамика проекта, начатого В.Н. Шубкиным. Представлены и обсуждаются результаты, полученные в 1960–1990-е гг. Эти данные позволили сделать выводы о том, как социальное поведение молодёжи связано с переменами в экономике и сфере образования. Показано развитие проекта в Институте социологии ФНИСЦ РАН по настоящее время. Обсуждается новая ситуация, вызвавшая прекращение потока молодёжи с высшего образования на среднее профессиональное. Полученные результаты подтверждают, что накопление информации в ходе развития проекта способствует более глубокой интерпретации социальных процессов и открывает возможности для прогнозирования. Особое внимание уделено личности В.Н. Шубкина. Делается вывод, что гуманистическое мировоззрение, выстраданное сложным личным опытом, подталкивало его к новаторству в исследованиях, постановке острых вопросов и исключало технократический подход к социальным проблемам. Подчеркивается, что вклад В.Н. Шубкина в социологию образования имеет исключительную ценность. Ему удалось положить начало важному направлению социальных исследований.

Ключевые слова: социология образования • проект В.Н. Шубкина • социальное поведение молодёжи • образование • рынок труда

DOI: 10.31857/S013216250027363-2

Динамика проекта: 1960–1990-е. Нет лучшего времени для социолога, чем время перемен. В отличие от того, что такое время означает для современников (как резонерски отмечает известная пословица), для социолога это лучшее поле для наблюдений, а затем поиска верной интерпретации происходящего.

Владимиру Николаевичу Шубкину, его коллегам и ученикам, ставшим коллегами, в этом повезло. Шубкину, как «родоначальнику» направления, оставалось не ошибиться в выборе ключевого индикатора. Он был найден и подтвердил свою значимость, как показали исследования, начатые в Сибири и впоследствии проведенные в других регионах (по выражению В.А. Ядова, страна была покрыта анкетами Шубкина). Этим индикатором оказались «всего-навсего» проставленные старшеклассниками средних школ оценки привлекательности профессий.

В 1962 г. в школах Новосибирской области впервые заполняли анкеты, в которых учащимся предлагалось оценить привлекательность десятков различных профессий. Следовало проставить по 10-балльной системе высшие оценки самым привлекательным, с точки зрения старшеклассников, профессиям, низшие оценки – самым непривлекательным и промежуточные – профессиям средней привлекательности. Если подросток ничего не знал о какой-либо профессии, он ставил ноль. В списке профессий, привлекательность каждой из которых предлагалось оценить, были представлены как массовые, так и менее распространённые занятия, связанные с самыми разными сферами деятельности: тяжёлой и лёгкой промышленностью, транспортом и связью, сферой обслуживания, здравоохранением, образованием, культурой, наукой. Список этот диктовали не только исследовательские цели, но и прагматические соображения: социологи должны были показать, что занимаются актуальными проблемами региона, а их труды обещают конкретную пользу, выраженную в практических рекомендациях. Экономика нуждалась

в кадрах; следовательно, инициатива Шубкина и коллег могла быть представлена партийному и академическому начальству как рациональная инициатива. Впрочем, всё это послужило на пользу исследованию, поскольку круг профессий в анкете был для старшеклассников не абстрактным, а близко знакомым. В последующие годы список профессий обновлялся, в нем учитывались происходившие изменения. Опросы повторялись сначала ежегодно, потом с интервалами; впоследствии проведение исследования перешло к Институту социологии ФНИСЦ РАН.

Складывался коллектив единомышленников, опросы проводились год за годом; из череды «моментальных фотографий» каждого года создавалась динамическая картина; фиксировались не состояние, а процесс – ход перемен в привлекательности профессий; создавалась возможность сопоставлять ее с изменениями в обществе.

В данных 1960-х гг. видны отголоски недавних событий – запуска первых советских «Спутников», полёта Юрия Гагарина, очевидна востребованность профессий, так или иначе связанных с наукой и техникой: обращает на себя внимание привлекательность занятий учёных, инженеров [Шубкин, 1970: 189–204]. В 1963 г. привлекательность профессий научных работников – физиков, математиков, химиков – оценивалась старшеклассниками Новосибирской области почти в восемь баллов, близки к ним оценки профессий инженеров и геологов. Здесь же, на вершине своеобразной иерархии привлекательности, – врачи, преподаватели высшей школы. Да и школьные учителя также получали весьма высокие оценки. При этом дети из разных семей – руководителей, специалистов с высшим образованием, служащих со средним профессиональным и общим образованием, рабочих – были солидарны в мнениях [Константиновский, 1999: 246–247, 261–268]. В других регионах страны были получены аналогичные данные.

В 1980-х гг. пришло время трудностей в экономике, соответственно, сложностей в распределении сокращавшегося пирога возможностей, товарного дефицита; потом рынок труда изменился, рухнули карьеры специалистов, дипломы старшего поколения обесценились, – тогда не только прием в вузы резко сократился [Konstantinovskiy, Khokhlushkina, 2000: 36–38], но и вырос отсев из школ [ibid.: 28–33]. В эти годы взлетела привлекательность профессий продавца, бухгалтера: в 1963 г. их оценивали ниже других, между двумя и тремя баллами, но в 1983-м она поднялась до четырех – пяти баллов, а в 1994 г. ещё выше. Привлекательность профессии учителя неуклонно снижалась, приближаясь к оценкам, прежде полученным продавцом [Константиновский, 1999: 129–130]. Результаты исследований показали: привлекательность профессий у молодёжи отчётливо связана с комплексом реалий текущей ситуации и меняется в связи с новыми обстоятельствами [Константиновский, 2008: 132–151]. Научные работники и инженеры переставали быть лидерами привлекательности, теперь они оказались во второй половине списка профессий; математик, как и учитель, оказался рядом с продавцом (что не умаляет значимости профессии продавца). Современники очутились в ином мире, как астронавты в «Возвращении со звёзд» Станислава Лема.

К середине 1990-х гг., когда формировался новый, с иной структурой рынок труда, потребовались специалисты – восстанавливалась привлекательность образования, дети стали возвращаться в школу и стал быстро расти прием в вузы. Кто же приходил на смену прежним образцам жизненной карьеры? Новая ситуация в стране выдвинула новых кумиров, лидеров привлекательности – ими оказались банковский работник, юрист, бизнесмен. Юрист в 1994 г. получил почти максимум – девять баллов [Константиновский, 1999: 250]. Так опять возникла для современников новая реальность.

Оценки привлекательности профессий давали возможность судить о том, какие образовательные и профессиональные карьеры избрали бы старшеклассники, если бы реальность и их личные возможности вполне соответствовали их желаниям, предпочтениям, устремлениям. В действительности не всё получалось так, как хотелось, и школьники это, конечно, понимали. «Что вы хотите делать после окончания школы?» – спрашивалось в шубкинской анкете. Её вопросы просты, но существенны. Недаром респонденты

благодарили на полях за то, что их заставили задуматься над важным. Возможно, это общее правило: главные вопросы нашей жизни весьма просты, но надо их сформулировать (и по возможности ответить на них). Здесь же приводились варианты: работать; совмещать работу с учебой; учиться; прочие планы. Далее следовала конкретизация: отрасль народного хозяйства, учебное заведение, профессия и пр. Анализ этой информации показывал, какую коррекцию вносит учёт реальности в личные планы юношей и девушек при обдумывании будущего. Происходило некоторое «приземление» желаний, поскольку подростки учитывали не только свои склонности, но и, например, академическую успеваемость, принимали во внимание (насколько это удавалось им и их родителям) состояние рынка труда, транспортную доступность учебных заведений и конкурс в них, и пр. Коррекция эта была различной у подростков из городов, сёл, из семей разного социального статуса, детей родителей, имеющих разные профессии. В европейской части России и на Урале, как и в Сибири, нередко выбор падал не на те профессии, которые наиболее привлекательны, а совсем на другие, например, оцениваемые как высокооплачиваемые и/или доступные [Шереги и др., 1997: 18].

Проходили несколько месяцев, и наступал «час истины»: предпочтения и личные планы юношей и девушек поверялись реальностью не в их головах, а в учебных заведениях и на предприятиях. Осенью социологи собирали информацию о том, как в действительности сложились первые шаги выпускников школ. В начале образовательных и профессиональных карьер в полной мере проявлялась их социальная обусловленность, влияние факторов урбанизации, принадлежности к той или иной социальной группе, пола. Школа, где в одних классах по единой программе учились и, год за годом находясь бок о бок, социализировались дети из разных слоёв населения, выравнивала устремления подростков. Но затем их пути расходились. А время, меняя социум в целом, изменяло и эти различия. Вместе с тем становилось ясно, что «информация, полученная об оценках и профессиональных планах, коррелируется с реальным поведением молодёжи при выборе профессии. Это дает основания полагать, что по изменению профессиональных планов и оценок с известной вероятностью можно судить о намечающихся переменах и в поведении молодёжи при выборе профессий» [Шубкин, 1970: 211].

Шубкин дал наглядную картину перехода от намерений (оценок привлекательности профессий и личных планов) к реальному выбору; дал именно изображение, графическую иллюстрацию. Это широко известные шубкинские пирамиды: «сплошная отражает объективные потребности в кадрах по профессиям, пунктирная – личные профессиональные планы» [Шубкин, 1970: 209]. Не следует трактовать пирамиды как описание происходящего только на первых шагах после окончания школы; это может быть и отложенный результат. Шубкин предупреждал, что его пирамиды «нельзя рассматривать упрощённо» [там же]. Это относится и к социальной обусловленности перестраивания одной пирамиды в другую (так как молодёжь с разными социальными характеристиками имеет разные шансы на реализацию намерений), и к другим аспектам этого превращения пирамид; особенно к проявляющимся впоследствии, таким как динамика потребности в кадрах, непрерывное образование, меняющиеся возможности и ограничения социальной мобильности, которые обуславливают перемены и в сплошной пирамиде, и неизбежно связанные с ними – в устремлениях индивидов. Пирамиды – образ обобщенный. Однако зафиксированное в образе, предложенном Шубкиным, очевидно: реальность безапелляционно распределяет индивидов в какой-то связи с их устремлениями или без всякой связи по наличествующим в обществе в данный момент позициям; не даром одна из пирамид пунктирная, а другая сплошная [Шубкин, 1970: 208, 210].

Почему Шубкин? Понятно, почему возрождающаяся российская социология обратилась к проблемам молодёжи (В.В. Водзинская, Л.Н. Коган, Ш.Ш. Шоисматуллоев и др.). Но почему лидером в исследованиях ориентаций и реальности оказался именно Шубкин? Что им двигало?

Он шёл в науке в разных направлениях. Но одно свойство одерживало верх и преобладало, за что бы он ни взялся. Писал добросовестно диссертацию по экономике, анализируя деятельность колхозов [Шубкин, 1970: 78–109], – получалось сочувственное исследование социальной жизни села. Строил графы взаимодействия людей в коллективе [Шубкин, 1970: 110–150] – выходил заинтересованный анализ их поведения... Главным оказывались – интерес к людям, человечность в отношении к ним, стремление помочь.

Сложный путь применения количественных методов в социологии привёл его, через пространство разнообразных идей, к маячившим впереди пирамидам.

Гуманизм Шубкина – не умозрительно построенный. Он выстрадан жизненным опытом сына репрессированного учителя, чудом спасённым солдатом Отечественной. В его военной биографии были Сталинград, Перекоп, Севастополь. Гуманизм присутствует – как импульс к исследованию и основной путь анализа – во всех его трудах и напрямую выражен в его публицистике¹ [Шубкин, 1996; 2010: 288–373]. И он жил, как писал в этих работах. В научной биографии Шубкина были разные ситуации, жизнь испытывала его, мяла и тёрла, как и других, всех без исключения, невзирая на достоинства, достижения и регалии; демобилизованный солдат, он оставался в рядах, хотя вставать и идти ему теперь доводилось часто не со всеми, а в одиночку.

Нравственное наследие Шубкина не менее значительно, чем научное; точнее, они сплавлены воедино. Шубкин не склонялся к технократическому подходу в решении проблем, к жёсткому управлению обществом; рассматривая личные планы молодёжи и объективные потребности, он выступал против такого строения общества, когда каждому предназначено определённое место «шестерёнки» в экономической машине. Он стоял на том, что ожидания молодёжи важны, играют существенную роль в жизни общества и должны приниматься во внимание, что особенно важно в социальном управлении.

Развитие проекта в XXI в. Анализ материалов повторяющихся опросов сначала имел целью показать тем, кто скептически относился к социологическим методам, что повторные исследования подтверждают результаты предыдущих; но вскоре выяснилось: наблюдаемое представляет собой не единичное явление, когда можно обойтись его фиксацией, а некий процесс, требующий наблюдения и сопровождения (и, разумеется, попыток постепенной интерпретации); это оказалось главным, что определяет внимание к проекту Шубкина.

Однако социальные процессы, как правило, более длительны, чем жизнь одного человека, и более продолжительны, чем творческая жизнь исследователя. Зато с социальными процессами соперничают по длительности судьбы научных замыслов. Продолжение исследований, начатых Шубкиным, не прекращалось. Продолжалось время перемен, наблюдение за социальными процессами в образовании выявляло специфику их развития и связь с другими социальными процессами. Это требовало готовности к новому, порой неожиданному; расширения подходов к исследованию, сочетания прежних и иных методов. Видоизменяемое, корректируемое по мере происходящего и в меру понимания его, оно дало возможность проследить последовавшую динамику.

Описание дальнейшего развития проекта неизбежно неполное; в нём приведены основные данные, относящиеся непосредственно к теме статьи, чтобы выявить направление наблюдаемого хода процесса от состояния, в котором его зафиксировали первые анкеты Шубкина, к тому виду, в каком он предстает сегодня.

Во всероссийском исследовании начала 2010-х гг. старшеклассникам было предложено оценить профессии из сходного с сибирским по содержанию перечня, тоже по 10-балльной системе, но по трём критериям: общественная значимость, престижность и прибыльность. По критерию общественной значимости оказались выше других оценены врач (8,8), учёный (8,4) и военный (8,2); средние оценки получили преподаватель вуза (7,9), инженер, конструктор, проектировщик (7,8), юрист (7,3), финансист (7,1), фермер

¹ Шубкин В.Н. Пределы. Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.

(6,8), менеджер (6,2) и дизайнер (6,1). По критерию престижности большинство профессий получили средние оценки: врач, военный и юрист – 7,8; финансист, экономист – 7,7; учёный – 7,5; инженер, конструктор, проектировщик – 7,4; дизайнер, модельер – 7,1; преподаватель вуза – 7; менеджер – 6,5. А по критерию прибыльности лидерами стали юрист (8,1), финансист (8) и военный (8); средние оценки достались инженеру, конструктору, проектировщику (7,7), дизайнеру, модельеру (7,5); но и учёному (7,1), врачу (6,8), менеджеру (6,8), преподавателю вуза (6,6) [Константиновский, Попова, 2016: 11–13].

Старшеклассники тех лет были нацелены на поступление в вузы: не только 65,1% 11-классников, но и 46,5% 9-классников указали, что необходимый для жизненного успеха уровень образования – высшее (немалая часть указали и два высших) [Константиновский, Попова, 2014: 7]. В 2000-х гг. вырос спрос на образование (и его формальные признаки), росла значимость обладания вузовским дипломом для получения более или менее достойной позиции на рынке труда и построения успешной карьеры. Рынок труда посылал сигналы, что обладатели вузовских дипломов имеют преимущества в зарплате и лучше защищены от безработицы, чем работники, имеющие меньший формальный уровень образования [Образование..., 2014: 82, 90]. В результате ориентация молодёжи на сферу образования, в особенности на поступление в вузы, не только восстановилась, но и значительно усилилась [Константиновский, Попова, 2016: 5–19].

То были годы, когда несомненной была массовизация высшего образования. Приём в вузы быстро вырос: например, за десятилетие 1995–2005 гг. более чем вдвое [Образование..., 2014: 360]. Этому способствовало и устранение некоторых административных барьеров; вузы получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей. Вместе с тем рынок труда не только увеличил спрос на работников с вузовскими дипломами. Он также дифференцировал этот спрос. Отчасти в национальной экономике сформировался спрос на знания, на квалифицированных специалистов. В то же время сформировался и массовый спрос со стороны работодателей на более или менее социализированных молодых людей, которые могли работать там, где требовались такие навыки, например в разрастающейся сфере обслуживания. Наличие подобных навыков стало рассматриваться как результат пребывания в вузе, свидетельством чему был соответствующий диплом. Так дифференциация спроса породила дифференциацию предложения, это был ответ сферы образования на изменение спроса. Массовизация высшего образования была интенсивной и неоднозначной.

Однако ситуация менялась. Первые признаки перемен сразу же были отмечены и рассмотрены на результатах исследований [Константиновский и др., 2013; Новые смыслы..., 2015: 98–122, 184–209]; наконец, использование государственной статистики и материалов РМЭЗ НИУ ВШЭ позволило вполне представить новую ситуацию [Константиновский, Попова, 2020]. По мере того, как формировалось осознание значимости изменений, стала подтверждаться их устойчивость. Обсуждение происходящего продолжилось [Мальцева, Шабалин, 2021; Малиновский, Шибанова, 2022] и вышло за пределы научных дискуссий.

Что произошло? Численность выпускников школ резко уменьшилась вследствие демографических процессов: многочисленные поколения сменились малочисленными. Вузы стали сокращать прием. К тому же увеличивалась доля платного образования (не только высшего, но среднего общего) при снижении доходов населения. Проводились значительные меры по закрытию «слабых» вузов и филиалов (где, как правило, можно было получить образование либо диплом за меньшую стоимость), зачастую расположенных в регионах и потому более доступных для местной молодёжи, чем столичные. В целом доступность высшего образования, таким образом, неуклонно снижалась.

Между тем среднее профессиональное образование, реорганизуемое и поддерживаемое, активно развивалось, улучшалась его материальная база, приходили более квалифицированные преподаватели и мастера, расширялся круг профессий, по которым проходила подготовка, он становился всё более современным – вплоть до компьютерных

технологий [Астафьев, 2022]. Среднее профессиональное образование становилось привлекательным не только по доступности: оно сулило в перспективе меньшие заработки, чем высшее, зато почти гарантировало гораздо меньшую стоимость обучения, более быстрый выход на рынок труда и прочную занятость. В итоге произошло то, чего раньше нельзя было представить: вектор устремлений молодёжи сменился на противоположный, СПО стало переключать на себя спрос на профессиональное образование. Долгое время считавшееся запасным, не лучшим вариантом образовательной карьеры, едва ли не уделом неудачников, среднее профессиональное образование (главным образом подготовка специалистов среднего звена) сделалось победителем высшего. Стали формироваться иная структура образования, другие модели образовательных и профессиональных карьер молодёжи. Опять возник новый мир.

Наследие Шубкина. Учёный оценивается по тому, какое он оставил наследие в науке, какое он оказал влияние на исследования, продолжают ли его замыслы. В отношении Шубкина сомнений не возникает. Конечно, сегодня, случается, одни забывают, каким было начало, другие полагают, что до них ничего не существовало. Это не имеет значения.

Шубкину удалось редкое: он получил и осмыслил в науке новую, им полученную информацию, и ему же удалось добиться практических результатов своих исследований. В первом – он доказал на эмпирических материалах, в противовес утверждениям пропаганды, что советское общество не свободно от социальных различий [Шубкин, 1970: 189–215; Константиновский, Шубкин, 1977: 96–143]. Во втором – на основании анализа демографического эха войны, по его настоянию, были приняты меры по расширенному приёму молодёжи страны на учёбу и работу [Чередниченко, Шубкин, 1985: 92–109], это был прецедент внедрения в практику результата исследования – мечта социолога. Два таких достижения – достойный итог.

У Шубкина в трудной судьбе исследователя были свои пирамиды желаемого и достигнутого. Он размышлял о достойных целях, ставил себе задачи и сознательно двигался к их решению. Отпущенному ему времени надлежало быть использованным для работы. Действительность могла сдвинуть пунктирную пирамиду к сплошной, но не могла её отменить. В трудное время рубежа 2000-х гг. он занялся страхами и тревогами россиян [Шубкин, Иванова, 2004], это считал самым актуальным. Последний период жизни был, выражаясь деликатным языком исследований, скорректирован тяжёлой болезнью. Шубкин жил жизнью института, своего сектора в Институте социологии РАН.

О личности Шубкина сказано и написано немало. Его влияние на современников – результат работы ума и души над формированием своих отношения к действительности, характера, линии жизни. Он принял участие в разных судьбах – и коллег, и, казалось бы, сторонних людей. И принял самым активным образом, как только может гражданин и учёный, участие в жизни общества. В этом его главный пример для исследователей и не только.

Новая ситуация. Важность последних перемен в социальном поведении молодежи в образовании и на рынке труда, о которых всего несколько лет назад и помыслить было бы странно, нельзя недооценивать. В них проявился значимый сдвиг в социальных ориентациях, более того – в настроениях общества.

Родились и обсуждаются позитивные ожидания: можно предполагать, что три важные взаимозависимые компоненты – рынок труда, устремления молодежи и профессиональное образование – будут в большей мере соответствовать друг другу: молодежные ориентации окажутся ближе к потребностям в работниках, а образовательная инфраструктура будет больше ориентирована на удовлетворение нужд национальной экономики. Эти вероятные положительные следствия перемен, безусловно, значимы. Сократятся потери, возникающие и в сфере образования, и на рынке труда, реалистичные запросы молодёжи будут способствовать уменьшению вероятности разочарований, метаний молодых людей, наконец, сокращению категории NEET. Собственно, можно заключить, что происходит сближение пирамид объективных потребностей в кадрах и субъективных

Таблица

Годы	Зафиксированные основные результаты	Ведущие связанные факторы
Начало 1960-х	Привлекательность профессий высокой квалификации, устремлённость молодёжи к получению высшего образования	Достижения науки и техники, высокий престиж науки и образования
1980-е	Уменьшение привлекательности образования, отсев из школ, сокращение приема в вузы	Трудности в экономике, крушение рынка труда, невостребованность специалистов
Середина 1990-х	Восстановление престижа образования, новые лидеры привлекательности профессий, устремлённость молодёжи в вузы	Формирование нового рынка труда, массовизация высшего образования, диверсификация вузов
Начало 2000-х	Увеличение охвата молодежи программами подготовки специалистов среднего звена	Уменьшение доступности вузов (сокращение приёма, закрытие вузов и филиалов, рост платности образования)
2010-е	Переключение потока молодёжи с вузов на СПО	Рост привлекательности подготовки специалистов среднего звена по сравнению с получением высшего образования

(на самом деле субъективных отчасти, так как они обусловлены объективными факторами) устремлений молодёжи; пирамиды, похоже, могут приходить в движение?

С другой стороны, возможны негативные последствия для человеческого капитала в масштабах страны. Доля граждан, обладающих высшей квалификацией / вузовскими дипломами, – важная часть человеческого капитала, даже если значительное число этих людей имеет не вполне соответствующую диплому квалификацию, а лишь формальные свидетельства о ней, и если работает не по специальности. Значимы не только уровень квалификации, но и полученная в вузе социализация. Уменьшение стремления к высшему образованию, спад вовлеченности в эту сферу таят в себе значительные опасности, поскольку знания людей – основа социального и технологического развития в современном мире, а мотивация к образованию не возникает сама по себе. При этом самореализация при выборе образовательной и профессиональной карьеры не может оборачиваться адаптацией к реальности. Устремления молодёжи – мощная движущая сила, в связке с образованием они должны опережать динамику общества, а не следовать ей. Не следует забывать и о роли высшего образования в социальной мобильности, что особенно важно для выходцев из менее обеспеченных и образованных семей. Словом, круги последствий могут пойти широко, в разные сферы жизни общества, и победа прагматизма, обусловленного состоянием экономики и усиленного прочими обстоятельствами, может оказаться пирровой.

Наиболее существенное из рассмотренного, ещё сильнее обобщая и опуская больше частных (включая существенные), чтобы оставить и выделить то, что представляется самым определяющим, можно отобразить в виде таблицы.

Данные в столбце «Годы» указывают на положение основных результатов и ведущих связанных факторов во времени в общем виде. Они не обозначают в точности момента, когда определённая стадия наблюдаемого процесса начиналась либо заканчивалась, или периода, когда она наблюдалась. Более определённое обозначение времени существования или преобладания той или иной стадии не представляется возможным, потому что стадии накладывались одна на другую; каждая, протекая во времени, начиналась, когда ещё существовала предыдущая, а также, вероятно, начиналась последующая.

Это наглядно показано на рис., представляющем динамику описываемого процесса перемен в привлекательности образования различного уровня. Индикатором привлекательности служит валовый коэффициент охвата² молодёжи программами

² Отношение численности обучающихся по программам профессионального образования к численности населения в соответствующей возрастной группе.

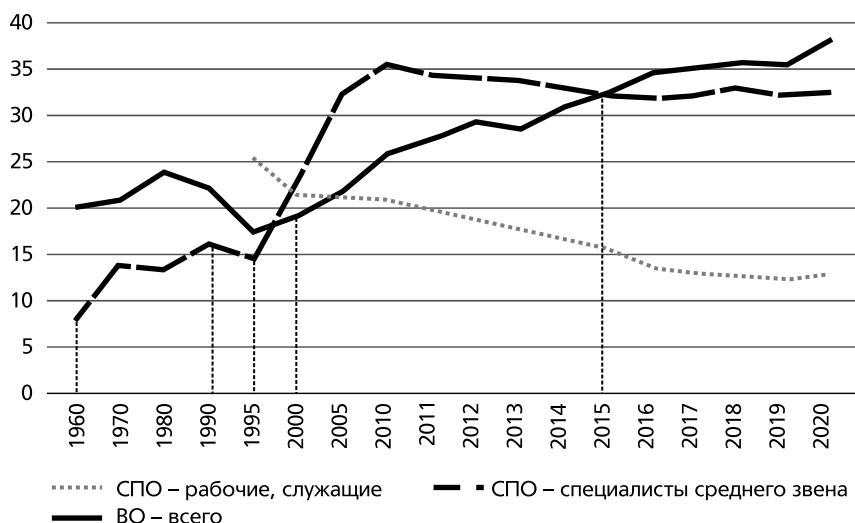

Рис. Валовый коэффициент охвата молодежи программами профессионального образования, в %

Примечание. Ось y – от 0 до 40%.

Источник: Диаграмма предоставлена Е.С. Поповой. Построено по [Индикаторы образования 2022: 247, 254, 263].

профессионального образования, наиболее близкий к смыслу рассматриваемого понятия. Разумно полагать, что привлекательность того или иного уровня образования для молодежи лучше всего выражается в определенной активности молодых людей, в их социальном поведении, а именно в предпочтении одного вида образовательных организаций либо другого, а это количественно выражается коэффициентом охвата. На диаграмме видны стадии наблюдаемого процесса, описанные в таблице: отразившаяся в росте охвата высшим образованием устремленность молодежи к поступлению в вузы в 1960-е гг.; уменьшение привлекательности образования в 1980-е гг., что сказалось как в отсеке из школ, так и в сокращении приема в вузы и, соответственно, в уменьшении охвата высшим образованием; восстановление престижа образования и устремленности молодежи в вузы в середине 1990-х гг.; рост охвата молодежи программами подготовки специалистов среднего звена в начале 2000-х гг.; переключение потока молодежи с вузов на СПО в 2010-е гг., что видно по преобладанию охвата программами подготовки специалистов среднего звена. Здесь же показано, как убывает привлекательность программ подготовки квалифицированных рабочих, что побудило использовать для анализа данные по быстро растущим и таким образом определяющим динамику СПО программам подготовки рабочих и служащих среднего звена.

Является ли это лишь чередой моментальных фотографий, запечатлевших отдельные эпизоды в жизни российского образования в течение шести десятиков лет, эпизоды, характер которых был обусловлен обстоятельствами (экономическими, демографическими и другими) и административными решениями? Или это – не событийный хаос, а некий процесс, протекающий в социуме, связанная единством последовательности состояний и развилки, поиска, разрешения проблем, последовательный ход событий, имеющий определенные фазы, стадии? Возможно, это часть большего, более длительного процесса, связанного с другими, также длительными. Возможно, мы выявляем циклы внутри него, чередующиеся циклы, связанные один с другим или с другими циклами, – два

последовательных цикла роста привлекательности высшего образования (и в целом этой сферы) и падения (в первом случае) или, по крайней мере, снижения (во втором).

Демограф увидит в этом периоде движение населения, экономист – распределение финансовых потоков и т.д. Нас интересуют социальные процессы в образовании. Может быть, следует начать анализ с более раннего времени, с 1918 г., когда первые шаги новой власти ответили на порыв молодежи к высшему образованию и каждому предоставлялось право поступления в вуз без предоставления документов об образовании³, включить в анализ советские меры по социальному регулированию социального состава студенчества⁴ и пр. Можно начать с дореволюционных, с петровских времён, где много поучительного [Иванов, 1991]. То и другое обещает расширение возможностей для интерпретации.

Так или иначе, здесь видится ключ к пониманию части сложной социальной динамики. Благодаря тому, что Шубкин однажды сибирской весной начал собирать информацию в школах, распахнулось окно, в которое видно гораздо большее, чем оценки профессий, чем личные планы и их реализация у старшеклассников.

Ответа на вопросы пока нет. Есть подтверждение, что проект, заложенный Шубкиным, имеет прогностическую направленность. Без таких проектов не будет понимания не только текущей ситуации, но и будущего. Шубкин зафиксировал старт, мы осмысливаем направление движения, эволюцию. Сегодня можно строить предположения, ломать копья, но это будут лишь слова. Ответы на вопросы – в будущем развитии событий, в продолжении и развитии исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев Я.У. Профессии выпускников СПО в сфере интернет-услуг // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 4. С. 601–800. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-19.
- Иванов А.Е. Высшая школа России конца XIX – начала XX в. М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991.
- Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодёжь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 21–38.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Среднее vs высшее // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
- Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. Методологические вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах социологических обследований в Новосибирской области. М.: Наука, 1977.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. № 57. Ст. 632. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 770.

⁴ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 24 дек. 1958 г. Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1 января 1959 г., № 1 (933). Ст. 5. С. 10–22.

- Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42.
- Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Образование в Российской Федерации: 2014. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
- Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985.
- Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004.
- Шубкин В.Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970.
- Шубкин В.Н. Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996.
- Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2010.
- Konstantinovskii D.L., Khokhlushkina F.A. The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education // Russian Education and Society. 2000. Vol. 42. No. 2. P. 26–58.

Статья поступила: 10.02.23. Финальная версия: 10.06.23. Принята к публикации: 14.06.23.

THE WINDOW OPENED BY SHUBKIN: YOUTH IN EDUCATION AND THE LABOR MARKET

D.L. KONSTANTINOVSKIY

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

David L. KONSTANTINOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (scan21@mail.ru).

Abstract. The article discussed the dynamics of the project started by V.N. Shubkin. The first part presents and discusses the results obtained in the 1960–1990s. These data allowed us to draw conclusions about how the social behavior of young people is associated with changes in the economy and education. The following part shows the development of the project at the Institute of Sociology of the FCTAS RAS at the present time. A new situation is discussed, which caused a flow of young people to switch from higher education to secondary vocational education. The results obtained confirmed that the accumulation of information during the development of the project contributed to a deeper interpretation of social processes and opened up opportunities for forecasting. Particular attention is paid to the personality of V.N. Shubkin. It is concluded that the humanistic worldview, gained through hard personal experience, pushed him to innovate in research, raise critical questions and rule out technocratic approach to social problems. It is emphasized that the V.N. Shubkin's contribution to the sociology of education is of exceptional value. He succeeded in laying the foundation for an important area of social research.

Keywords: sociology of education, V.N. Shubkin's project, youth social behavior, education, labor market.

REFERENCES

- Astafiev Ya.U. (2022) Professions of graduates of secondary vocational education in the field of Internet services. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire* [Professional education in the modern world]. Vol. 12. No. 4: 601–800. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-19. (In Russ.)
- Bondarenko N.V. et al. (2022) *Indicators of Education. Statistical Collection*. 2022. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. (1985) *Youth enters life (sociological studies of the problems of choosing a profession and employment)*. Moscow: Misl'. (In Russ.)
- Education in the Russian Federation: 2014. Statistical compendium* (2014). Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

- Ivanov A.E. (1991) *Higher school of Russia in the late XIX – early XX century*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (1999) *Dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and paths in the field of education (from the 1960s to the 2000s)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (2008) *Inequality and education. The experience of sociological studies of the life starts of Russian youth (1960s – early 2000s)*. Moscow: TsSP. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2016) The attitude of youth to education in modern Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity]. No. 1: 5–19. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. et al. (2013) Working youth today: education, profession, social well-being. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 2: 21–38. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. et al. (2015) *New meanings in the educational strategies of youth: 50 years of research*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2020) Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. V. 29. No. 2: 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Shubkin V.N. (1977) *Youth and education. Methodological issues and experience of social forecasting based on the materials of sociological surveys in the Novosibirsk region*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Malinovsky S.S., Shibanova E.Yu. (2022) Causes and factors of completion of the expansion of higher education in Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 28. No. 3: 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149. (In Russ.)
- Maltseva V.A., Shabalin A.I. (2021) A Non-Circumvention Maneuver, or the Boom in Demand for Secondary Vocational Education in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues]. No. 2: 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42. (In Russ.)
- Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. (1997) *Sociology of Education: Applied Aspect*. Moscow: Lawyer. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1970) *Sociological experiments (Methodological issues of social research)*. Moscow, Misl'. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1996) *Violence and freedom. Sociological essays*. Moscow: On the Vorobyovs. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (2010) *Sociology and society: scientific knowledge and ethics of science*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Shubkin V.N., Ivanova V.A. (2004) *The fears and anxieties of the Russians*. St. Petersburg: Publishing House of the RKhGI. (In Russ.)
- Konstantinovskii D.L., Khokhlushkina F.A. (2000) The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education. *Russian Education and Society*. Vol. 42. No. 2: 26–58.

Received: 10.02.23. Final version: 10.06.23. Accepted: 14.06.23.